

Психическія эпидеміи *).

Милостивыя государыни и милостивые государи.

Психической эпидеміей называется одновременное возникновеніе у извѣстнаго числа людей одной идеи, обусловливающей съ ихъ стороны одинаковыя дѣйствія. Слово „эпидемія“ не заключаетъ въ себѣ собственно понятія о болѣзни и, слѣдовательно, подъ названіемъ психическихъ эпидемій не слѣдуетъ разумѣть только распространеніе болѣзненныхъ психическихъ явленій. Сюда относятся разнаго рода народныя волненія, какими бы мотивами они ни были вызваны и какъ бы велика ни была ихъ продолжительность и распространенность, нѣкоторыя религіозныя движенія, существующія въ теченіе многихъ лѣтъ и во многихъ странахъ, равно какъ явленія, вызванныя паникой и продолжающіяся всего нѣсколько минутъ...

Уже изъ этой характеристики видно, какое безчисленное множество разнообразныхъ фактовъ подлежитъ изученію при анализѣ психическихъ эпидемій, и, понятно, я буду въ состояніи въ теченіе того короткаго времени, которое мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, сдѣлать лишь нѣкоторыя общія замѣчанія.

I.

Въ психологическомъ анализѣ психическихъ эпидемій мы находимъ два рода ихъ причинъ, изъ которыхъ однѣ могутъ

*) Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, — 24-го октября 1893 года.

быть названы предрасполагающими, а другія—производящими. Причинами предрасполагающими являются: бѣдность психическаго содержанія, ограниченность интересовъ, отсутствіе критики,—словомъ, невѣжество во всѣхъ его проявленіяхъ. Причинами производящими служатъ, во-первыхъ, господствующія идеи и внѣшнія событія и, во-вторыхъ, подражаніе, психическая заразительность, внушеніе, возбуждающее вліяніе массъ.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу этихъ явленій, позвольте мнѣ коротко привести нѣкоторыя изъ тѣхъ мнѣній, которыя нерѣдко высказываются въ настоящее время по этому поводу. Упомянутіе о нихъ дастъ возможность быстро ориентироваться въ тѣхъ соображеніяхъ, которыя я имѣю намѣреніе изложить:

„Несомнѣнная и безспорная истина, что способность человѣка къ подражанію является одной изъ наиболѣе развитыхъ способностей его природы (Tarde).

„Подражательность—настоящая зараза, имѣющая свое основаніе въ примѣрѣ, такъ же какъ оспа имѣетъ свой контагіи въ гноѣ, который ее переноситъ; какъ въ нашемъ организмѣ достаточно слабаго повода, чтобы развились болѣзни, предрасположеніе къ которымъ мы имѣемъ, такъ и дремлющія въ насъ въ спокойное время страсти могутъ проснуться въ силу одного акта подражательности (Jolly).

„Явленія внушенія всеобщи.

„Въ средѣ толпы народа крикъ одного лица, рѣчь оратора, какой-нибудь поступокъ нѣсколькихъ болѣе смѣлыхъ людей производятъ внушеніе на всѣхъ тѣхъ, которые слышатъ этотъ крикъ или эту рѣчь, которые видятъ эти поступки, — внушеніе, которое побуждаетъ ихъ, какъ послушное стадо, къ совершенію скверныхъ дѣлъ. Въ толпѣ внушеніе пріобрѣтаетъ наибольшую силу и переходитъ немедленно въ эпидемическую форму, т.-е. въ толпѣ единство времени и мѣста и непосредственное сношеніе другъ съ другомъ допускаютъ наибольшую скорость распространенія возбужденія.

„Неоспоримый психологическій законъ, что интенсивность возбужденія возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ количеству лицъ, которыхъ оно коснулось въ одномъ мѣстѣ и въ одно время (Sighele).

„Допустимъ, что ощущенія, испытываемыя ораторомъ, могутъ быть выражены цифрой 10, и что при первыхъ его словахъ, при первомъ блескѣ его краснорѣчія онъ передастъ не менѣе половины своего возбужденія слушателямъ, которыхъ пусть будетъ 300. Всякій реагируетъ аплодисментами или удвоеннымъ вниманіемъ, и въ результатѣ получается то, что называется сенсацией. Это движеніе будетъ ощущаться всѣми заразъ, потому что слушатель занятъ аудиторіей не менѣе, чѣмъ ораторомъ, и его воображеніе властно поражается зрѣлищемъ трехсотъ людей, захваченныхъ возбужденіемъ, зрѣлищемъ, которое не можетъ не произвести въ немъ, въ силу только-что указаннаго закона, дѣйствительнаго волненія. Допустимъ, что онъ воспринялъ только половину этого возбужденія и посмотримъ на результаты. Полученное имъ впечатлѣніе должно быть выражено уже не цифрой 5, но половиной 5, умноженной на 300, т.-е. 750. Если примѣнить тотъ же законъ къ тому, кто стоитъ и держитъ рѣчь этой затаившей дыханіе толпѣ, его внутреннему возбужденію будетъ соответствовать, не цифра 750, но произведеніе 300 на $750:2$, такъ какъ онъ является фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются полученные отъ него впечатлѣнія всѣхъ этихъ глубоко взволнованныхъ людей (Espinass).

„Толпа представляетъ собою общество людей по преимуществу неоднородное, такъ какъ ее составляютъ люди разныхъ возрастовъ и половъ, всѣхъ сословій и общественныхъ положеній, разныхъ степеней нравственности и образованія, и по преимуществу неорганизованное, такъ какъ она собирается внезапно, случайно, не сговорившись.

„Вслѣдствіе этого силы соединенныхъ людей взаимно вычитаются, но не суммируются (Gabelli).

„Соедините двадцать или тридцать Гёте, Кантовъ, Гельм-

гольцевъ, Шекспировъ, Ньютоновъ и т. д. и предложите ихъ рѣшенію или сужденію практическіе вопросы минуты. Разсужденія ихъ можетъ -быть будутъ совершенно разниться отъ сужденій обыкновеннаго собранія, но что касается выводовъ, они ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ выводовъ обыкновеннаго собранія. Почему же?—По той причинѣ, что каждый изъ 20 или 30 выбранныхъ, помимо свойственной ему оригинальности, дѣлающей его особенною личностью, носитъ въ себѣ унаслѣдованныя свойства рода; это послѣднее дѣлаетъ его похожимъ не только на сосѣда по собранію, но на cadaго неизвѣстнаго прохожаго, котораго вы встрѣчаете на улицѣ. Можно сказать, что всѣ люди въ нормальномъ состояніи обладаютъ извѣстными свойствами, которыя составляютъ опредѣленную однородную величину, предположимъ, равную x , величину, къ которой прибавлена у личностей, стоящихъ выше средней нормы, еще другая величина, различная сообразно индивидуальности, которую въ силу этого нужно опредѣлять различно: на примѣръ, равной b , c , d и т. д. Разъ установивъ это положеніе, мы получимъ въ собраніи изъ 20 человѣкъ,—положимъ, все геніевъ,— $20x$ и только $1b$, $1c$, $1d$ и т. д. Несомнѣнно $20x$ перевѣсятъ отдѣльныя b , c , d . Это значитъ, что свойства человѣческаго рода перевѣсятъ индивидуальную личность и картузь работника вполне покроетъ шляпу доктора и философа (Nordau).

„Соединеніе способныхъ людей не всегда вѣрная гарантія совокупной ихъ способности; отъ соединенія здравомыслящихъ людей можно получить въ результатѣ собраніе не обладающее здравыми понятіями, точно такъ же, какъ въ химіи отъ соединенія двухъ газовъ можно получить жидкость (Feggi).

„Количество вызываетъ въ толпѣ инстинкты кровожадности и жажду битвы.

„Толпа вообще болѣе склонна къ совершенію зла, чѣмъ добра. У человѣка существуетъ первобытная склонность къ убійству, мрачный придатокъ человѣчества, извѣстная

инстинктивная ярость, которая находитъ могущественнаго союзника въ подражательной склонности (Barbaste).

„Зло есть свойство болѣе активное, чѣмъ доброта (Sighele).

„Зародыши всѣхъ страстей поднимаются изъ глубины души, и какъ при всѣхъ химическихъ реакціяхъ между разными веществами получаютъ новыя и различныя отъ нихъ соединенія, такъ и изъ психологическихъ реакцій многихъ различныхъ чувствъ возникаютъ новыя и ужасныя возбужденія, незнакомыя до того душѣ человѣческой“ (психологическое броженіе Fegгі).

Таковы наиболѣе характерныя изъ современныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ.

Достаточно одного взгляда на выводы, къ которымъ они приводятъ, чтобы видѣть, насколько они страдаютъ преувеличеніемъ: значить, при всякаго рода психической эпидеміи человѣкъ неминуемо подпадаетъ подъ власть неодолимыхъ силъ, вслѣдствіе чего его индивидуальность совершенно парализуется, онъ становится игрушкой случайныхъ внушеній. Люди, собирающіеся въ большомъ числѣ для какихъ бы то ни было цѣлей, въ церквахъ, театрахъ, на народныхъ собраніяхъ, обречены стать жертвой паники при малѣйшемъ переполохѣ. Значить, преступленія, равно какъ и героическіе акты толпы становятся явленіемъ случайнымъ, предупредить и предупредить которое нѣтъ возможности, такъ какъ въ толпѣ все возможно, особенно всякаго рода зло. Значить, слѣдовательно, никакая борьба съ эпидеміями невозможна, и единственно что остается, это пытаться разъединить людей въ то время, когда обнаружилось, что они находятся подъ вліяніемъ одной идеи, и для предупрежденія несчастій препятствовать всякаго рода собраніямъ. Очевидно, такіе выводы не могутъ отвѣчать дѣйствительному положенію вещей и должны оказаться неудовлетворительными при оцѣнкѣ самыхъ обыденныхъ явленій.

Такъ, на примѣръ, недавно одинъ авторъ, описывая свое посѣщеніе Новой Каледоніи, упоминаетъ о самоубійствахъ и самоизуродованіяхъ каторжниковъ и говоритъ слѣдующее:

„Любопытно, что эти покушенія заразительны, какъ эпидемическая болѣзнь, и я помню, что три года тому назадъ они свирѣпствовали съ силой, возбуждавшей безпокойство.

„Толчокъ былъ данъ однимъ молодымъ каторжникомъ 22-хъ или 23-хъ лѣтъ. Онъ долженъ былъ отбыть наказаніе довольно короткое, и вскорѣ ему предстояло освобожденіе. Отчаянная голова, не желавшій подчиняться и, главное, — непреодолимо лѣнивый, этотъ малый заслужилъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ дисциплинарномъ отдѣленіи. Раздраженный необходимостью тяжелой работы и не зная, какъ отъ нея избавиться, онъ придумалъ выколоть себѣ шипами глаза; на слѣдующей недѣлѣ его примѣру послѣдовали четверо или пятеро его товарищей; затѣмъ возникло другое стремленіе: появилась мода отрѣзывать себѣ ступню или кисть, вывихивать руки и пр. Это было ужасно. Можно было опасаться, что отдѣленіе превратится въ собраніе добровольныхъ уродовъ.

„Надо было дѣйствовать. Отдѣленіемъ завѣдовалъ въ то время человѣкъ энергичный, который не допускалъ колебаній. Для слѣпыхъ онъ велѣлъ устроить загородку и заставилъ ихъ ходить тамъ по 8 часовъ въ день съ мѣшкомъ песку на плечахъ. Безрукіе были прикованы къ тачкамъ и т. д. Благодаря этому лѣченію новаго рода (*thérapiutique d'un nouveau genre*), эпидемія не замедлила прекратиться“.
(*Mimande*).

Такимъ образомъ, при разсказѣ о самоизуродованіи (хотя о прямомъ зараженіи здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ одинъ выкалывалъ себѣ глаза, другой отрѣзывалъ ногу, третій вывихивалъ руку)—автору прежде всего пришла въ голову мысль о зараженіи, объ эпидеміи самоизуродованія, что въ точности соотвѣтствуетъ изложенной выше точкѣ зрѣнія.

Между тѣмъ, первое, что должно придти въ голову непредубѣжденному человѣку, это ужасныя условія французской каторги, и, быть-можетъ, немногихъ подробностей было бы достаточно, чтобы выяснить, поскольку эти несчаст-

ные уродовали себя вполнѣ сознательно и быть-можетъ разумно, если только можно говорить о разумности дѣйствій человѣка, пришедшаго въ отчаяніе. И надо сказать, что во множествѣ случаевъ подобнаго рода маленькихъ эпидемій, сообщающія о нихъ лица гораздо болѣе поражаются внѣшнимъ сходствомъ результатовъ, чѣмъ анализируютъ причины, что, конечно, не можетъ способствовать раскрытію истины.

Справедливость приведенныхъ воззрѣній не можетъ быть доказана даже при такихъ благопріятныхъ условіяхъ для ея приложенія, которыя даются, на примѣръ, паникой въ театрахъ, закрытыхъ помѣщеніяхъ, узкихъ улицахъ и т. д. Нужно только взвѣсить степень дѣйствительной опасности, въ которой находятся люди при чрезвычайно дурномъ устройствѣ выходовъ въ нашихъ европейскихъ театрахъ, церквахъ, всякаго рода помѣщеніяхъ для собраний, чтобы увидѣть, что вполнѣ спокойнымъ можетъ оставаться только тотъ, кто не думаетъ объ опасности или не понимаетъ ея, пока ему на нее не укажутъ. При малѣйшемъ напоминаніи дѣйствительное, разумное сознаніе опасности возникаетъ съ совершенной отчетливостью, и является понятное желаніе уйти. Что такое желаніе появится у Ньютона и у рабочаго одинаково, еще далеко не можетъ служить доказательствомъ ни заразительности его, ни уничтоженія въ этомъ случаѣ индивидуальности.

II.

Болѣе подробный анализъ основныхъ элементовъ психическихъ эпидемій еще болѣе выяснитъ намъ, что главная роль принадлежитъ не указаннымъ факторамъ, а предшествующимъ вліяніямъ, опредѣляющимъ направленіе идей большинства, съ одной стороны, и внѣшнимъ условіямъ, при которыхъ совершаются событія, съ другой.

Такъ, что касается вліянія толпы на ослабленіе и усиленіе индивидуальныхъ стремленій, на созданіе стремленій совершенно новыхъ, то въ этомъ отношеніи вѣрнымъ представляется лишь слѣдующее:

Присутствие многих людей въ одномъ мѣстѣ дѣйствуетъ на cadaго изъ нихъ возбуждающимъ образомъ. Это постоянное вліяніе количества выражается никакъ не громадными цифрами, приведенными мною вначалѣ, никакъ не можетъ быть названо ужасающимъ, такъ какъ въ сущности степень этого стремленія почти не поддается опредѣленію, — и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ передъ собою собраніе не возбужденныхъ предварительно лицъ, мы можемъ лишь утверждать, что каждое изъ этихъ лицъ нѣсколько болѣе возбуждено, чѣмъ въ своемъ обычномъ состояніи.

Это возбужденіе есть слѣдствіе основного психо-физиологическаго явленія, заключающагося въ томъ, что человекъ испытываетъ влеченіе къ другому человеку. Для доказательства этого иногда прибѣгаютъ къ примѣру душевной болѣзни, извѣстной подъ именемъ патофобіи, когда бываетъ, что человекъ, испытывающій чрезмѣрный страхъ въ одиночествѣ, перестаетъ бояться, лишь только онъ находится въ присутствіи другого человека, хотя бы и слабаго: женщины и даже маленькаго ребенка. Но это явленіе знакомо и каждому здоровому человеку безъ исключенія. Какъ только группа людей находится на открытомъ пространствѣ: на прогулкѣ, въ путешествіи, на площади, — словомъ, въ непривычныхъ для cadaго ея члена условіяхъ, то, какова бы ни была численность этой группы, всегда можетъ быть констатированъ тотъ фактъ, что отдѣленный отъ этой группы человекъ чувствуетъ себя непокойно и испытываетъ влеченіе присоединиться къ товарищамъ. Можетъ-быть это чувство есть не что иное, какъ видоизмѣненное чувство самосохраненія. Присоединившись къ остальнымъ, человекъ чувствуетъ себя успокоеннымъ, въ большей безопасности, и то же чувство, которое влекло его къ толпѣ, когда онъ былъ случайно отдѣленъ отъ нея, выражается въ видѣ чувства солидарности, изъ котораго вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, стремленіе защищать cadaго члена группы, такъ называемое, чувство товарищества.

Въ то же время, то же возбужденіе выражается въ нѣ-

сколько повышенной активности, т.-е. идея нѣсколько скорѣе переходитъ въ дѣйствіе, что можетъ также служить характеристикой вліянія толпы.

Подражательность, психическая заразительность, внушаемость, хотя въ свою очередь нѣсколько возрастаютъ въ силѣ своего проявленія, продолжаютъ однако сохранять свое индивидуальное значеніе.

Разсматривая эти явленія нѣсколько подробнѣе, мы лучше выяснимъ ихъ роль.

Слѣдуетъ строго различать заразительность и простое подражаніе. Подражаніе есть актъ всегда сознаваемый и произвольный, въ томъ смыслѣ, что онъ всегда подчиняется закону выбора, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи подражающаго. Подражая, каждый ощущаетъ, что онъ можетъ и не подражать. И дѣйствительно, всегда находится извѣстное количество людей, которые остаются свободными отъ подражанія наиболѣе распространеннымъ обычаямъ и привычкамъ. Правда, существуетъ невольное подражаніе,—другими словами, подражаніе, происходящее незамѣченнымъ образомъ,—но это зависитъ только отъ направленія вниманія, а не отъ другихъ причинъ.

Заразительность же обнаруживается совершенно иначе. Зараженіе охватываетъ человѣка съ силой, превосходящей силу его сопротивляемости, и онъ чувствуетъ, что его побуждаетъ какъ бы совершенно новая сила совершать дѣйствія, для него самого непонятныя и иной разъ такія, которыя онъ считалъ даже невозможными безъ участія сверхестественныхъ силъ. Это постоянное, неизмѣнное условіе психическаго зараженія, которое проявляется всегда безсознательно, тогда какъ подражаніе въ большинствѣ случаевъ бываетъ сознательнымъ и произвольнымъ.

Уже это основное различіе показываетъ, что область подражанія и область психической заразительности не вполнѣ совпадаютъ между собою, и что относящіяся къ нимъ явленія, равно какъ и способъ ихъ возникновенія, не вполнѣ одинаковы.

Подражать можно только тому, что человекъ можетъ выполнить произвольно, или непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ ему данъ какой-нибудь образецъ, или посредствомъ ряда послѣдовательныхъ усилій. Вторая форма подражанія встрѣчается несравненно чаще, и рѣдко нельзя бываетъ найти посредствующихъ подготовительныхъ звеньевъ въ актахъ подражанія, возникающихъ повидимому непосредственно. Тѣмъ не менѣе мы вполне можемъ признать оба вида подражанія, какъ посредственное, такъ и непосредственное.

Зараженіе всегда непосредственно. Предшествующія обстоятельства никогда не относятся къ акту зараженія прямо, но касаются лишь условій его возникновенія. Затѣмъ, подъ влияніемъ зараженія человекъ можетъ совершать такіа дѣйствія, которыя для него произвольно не выполнимы, хотя возможность ихъ совершенія, конечно, дается строеніемъ человеческого тѣла.

Напримѣръ, если мы видимъ истерическій припадокъ съ большими судорогами, съ изгибаніемъ тѣла въ дугу, такъ называемыми, страстными позами и пр., то мы можемъ конечно подражать ему, но при этомъ немедленно окажется, что мы не въ состояніи воспроизвести ни одной характерной особенности этого припадка. Можетъ быть, судороги еще и могли бы быть воспроизведены искуснымъ клоуномъ, но достаточно вспомнить о томъ упорномъ трудѣ, которымъ клоунъ выработываетъ свое искусство, чтобы не думать больше о такомъ примѣрѣ. При подражаніи мы немедленно убѣдились бы въ томъ, что наши мышцы недостаточно сильны, наши суставы недостаточно гибки, наши движенія наиболѣе удачныя совершенно лишены той выразительности, которая имъ присуща въ болѣзненномъ состояніи... Но пусть кто-нибудь изъ насъ при видѣ припадка заразится: можетъ быть немедленно, можетъ быть черезъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени и у него разовьется такой же припадокъ, и мы будемъ поражены сходствомъ явленій, которыя будутъ происходить передъ нами. Тотъ же субъектъ, который не могъ воспроизвести ни одной изъ

трудныхъ позъ истерическаго припадка, пока онъ пытался подражать ему, будетъ извиваться въ судорогахъ и страстныхъ движеніяхъ, поражающихъ своей отчетливостью, и мы можемъ отмѣтить у него, быть можетъ, даже и такія явленія, которыя не были отмѣчены нами у перваго больного, и притомъ явленія характерныя, бывающія при каждомъ истерическомъ припадкѣ, о существованіи которыхъ у перваго больного онъ и не подозрѣвалъ.

Такимъ образомъ, подражаніе и зараженіе различаются въ своемъ проявленіи, почему одно понятіе и нельзя ставить вмѣсто другого. Правда, въ окончательномъ анализѣ, проникая до основныхъ элементовъ душевной жизни, мы найдемъ, что это различіе нѣсколько сглаживается и видоизмѣняется, но тѣмъ не менѣе оно остается постояннымъ.

Стремленіе къ подражанію представляетъ собою основной законъ психической жизни. Что касается человѣка, то можно сказать, что все его психическое содержаніе вырабатывается путемъ подражанія, причемъ первоначальные образцы могутъ, конечно, и видоизмѣняться подъ вліяніемъ его наслѣдственныхъ и органическихъ особенностей. И если мы примемъ при этомъ во вниманіе, что подражаніе распространяется, по мѣрѣ расширенія горизонта индивидуальнаго сознанія далеко за предѣлы непосредственныхъ воспріятій, далеко за предѣлы окружающихъ явленій и за предѣлы настоящаго—въ безконечную даль вѣковъ, мы согласимся, что стремленіе къ подражанію есть одна изъ величайшихъ силъ, двигающихъ человѣчество въ его постепенномъ развитіи. Многимъ, конечно, извѣстно сочиненіе Тарда „Законы подражанія“, гдѣ онъ во всей подробности старается развить эту мысль и такъ тщательно описываетъ великую роль подражанія въ общественной жизни, и я желалъ бы, чтобы Вы на минуту прониклись идеей человѣчества, охваченнаго подражаніемъ, стремящимся уничтожить границы между народами, различія между классами, наконецъ, различія индивидуальныя, для того, чтобы Вамъ стало совершенно ясно, какъ медленно совершаетъ свою работу стремленіе къ под-

ражанію и съ какими усиліями прокладываетъ оно себѣ путь.

И если бываютъ моменты, когда масса какъ бы сливается на мгновение въ одномъ актѣ непосредственнаго подражанія, для этого всегда существуютъ исключительныя причины, между которыми сходство идей и побужденій данной группы лицъ занимаетъ первое мѣсто.

III.

Психическую заразительность мы можемъ допустить только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ душевное состояніе одного человѣка распространяется на другого человѣка безъ всякаго участія сознанія, разсужденія и выбора,—другими словами, когда одинъ человѣкъ охватывается извѣстнымъ душевнымъ состояніемъ не только помимо своего желанія, но даже вопреки прямымъ усиліямъ своей воли, и притомъ только потому, что то же состояніе испытываетъ другой человѣкъ.

Существуетъ общепринятое мнѣніе, что душевныя волненія заразительны, такъ что чувства тревоги, печали, страха, гнѣва, затѣмъ радости, простого воодушевленія, наконецъ, и спокойное настроеніе передаются отъ одного лица другому.

Необходимымъ условіемъ является при этомъ, чтобы испытываемое извѣстнымъ лицомъ волненіе выражалось соотвѣтствующей мимикой. Въ противномъ случаѣ оно не будетъ передано другому лицу. Такимъ образомъ, зрѣніе, слухъ и осязаніе служатъ единственными извѣстными намъ до настоящаго времени посредниками при явленіяхъ психической заразительности, и для доказательства этого можно привести безчисленное множество примѣровъ, изъ которыхъ видно, что, съ одной стороны, воздерживаясь отъ мимическаго выраженія, можно совершенно скрыть свое чувство даже отъ людей, находящихся съ нами въ самомъ близкомъ общеніи; съ другой стороны, выражая соотвѣтствующею мимикой чувства, которыхъ мы совершенно не испытываемъ, мы можемъ

возбудить эти чувства въ другихъ людяхъ, и иногда въ значительной степени.

Такимъ образомъ, языкъ жестовъ является наиболѣе сильнымъ факторомъ въ явленіяхъ передачи душевнаго волненія отъ одного лица другому. Любопытно, что самые простые двигательные акты, имѣющіе отношеніе къ внутреннему состоянію даннаго лица, возбуждаютъ у другихъ лицъ безсознательное стремленіе къ ихъ воспроизведенію: напри- мѣръ, зѣвота и смѣхъ извѣстны своею заразительностью. Актъ зѣвоты можетъ быть вызванъ искусственно посредствомъ очень элементарнаго напominанія съ помощью движенія рукъ или вообще двухъ раздвигающихся поверхностей, чѣмъ забавляются иногда дѣти во время уроковъ, возбуждая зѣвоту у своихъ воспріимчивыхъ товарищей, что, кстати, ясно показываетъ, что душевныя волненія не передаются собственно отъ одного лица другому, но возбуждаются посредствомъ мимическихъ движеній.

Въ нормальной жизни мы не имѣемъ другихъ примѣровъ перехода душевнаго состоянія отъ одного лица къ другому, кромѣ передачи душевныхъ волненій.

Но въ болѣзненномъ состояніи нервной системы мы можемъ наблюдать и другія относящіяся сюда явленія, которыя достигаютъ иногда значительнаго распространенія и образуютъ такъ называемыя психопатическія эпидеміи.

Именно расстройства нервной системы, выражающіяся судорогами и параличами, производятъ на лицъ воспріимчивыхъ неотразимое впечатлѣніе, и нерѣдко одинъ видъ больного можетъ послужить для такихъ лицъ причиной ихъ собственнаго заболѣванія. При этомъ надо замѣтить, что чѣмъ судороги страннѣе и, такъ сказать, выразительнѣе, тѣмъ сильнѣе ихъ вліяніе. Это общеизвѣстный фактъ и повсюду въ школахъ стремятся по возможности удалять дѣтей, одержимыхъ судорожными неврозами—хореей, или такъ-называемой малою пляской Св. Вита, истеріей, падучей болѣзнью, разными тиками. Въ этихъ случаяхъ происходитъ почти чистое зараженіе, и подражаніе играетъ лишь малую роль.

Хотя заражаются скорѣе и легче лица до известной степени предрасположенныя, но степень и характер нервной неустойчивости, необходимой для надлежащей воспримчивости въ этомъ отношеніи, опредѣлить въ сущности довольно затруднительно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ зараженіе распространяется на лицъ, нервная система которыхъ, казалось, находилась въ довольно удовлетворительномъ состояніи.

Поразительный примѣръ распространенія судорожныхъ припадковъ на большое число лицъ представляетъ, такъ называемая, большая пляска Св. Вита и тарантула.

Подъ именемъ пляски Св. Вита разумѣется болѣзнь, которая обнаружилась первоначально въ Ахенѣ около 1374 года. Тамъ собирались толпы мужчинъ и женщинъ, которые, взявшись за руки, видимо не въ своемъ умѣ, бѣшено плясали по цѣлымъ часамъ, не обращая вниманія на все окружающее, пока не падали отъ истощенія. Тогда они жаловались на страшную тяжесть и стонали, какъ будто готовились умереть, пока имъ не перевязывали животъ полотенцами, послѣ чего они успокоивались до новаго припадка. Это обвязываніе дѣлалось по случаю вздутія живота, наступавшаго послѣ судорожнаго скаканія. Иногда употреблялись и болѣе простые способы: удары кулаками и ногами по животу. Во время танцевъ у нихъ бывали видѣнія, они не видѣли и не слышали,—и ихъ фантазія рисовала имъ духовъ, имена которыхъ они выкрикивали, и нѣкоторые говорили потомъ, что они чувствовали, какъ будто они были погружены въ потоки крови, почему они и должны были прыгать такъ высоко. Другіе видѣли отверстое небо съ сидящимъ на тронѣ Спасителемъ и Божіей Матерью. Иногда одержимые падали безъ сознанія и съ хрипѣніемъ на землю, у рта показывалась пѣна, затѣмъ они вскакивали и съ дикимъ кривляньемъ начинали свой танецъ. Болѣзнь называлась пляской Св. Иоанна.

Быстро она распространилась въ Бельгіи и вверхъ по Рейну. Въ Страсбургѣ къ плясавшимъ такимъ образомъ

отнесли какъ къ больнымъ, и городское управленіе стало отправлять ихъ къ часовнямъ Св. Вита въ Цабернѣ и Роттершейнѣ, гдѣ многіе изъ нихъ исцѣлялись. Существовала легенда, что Св. Витъ передъ казнью молилъ Бога избавить отъ пляски тѣхъ, кто будетъ праздновать канунъ его дня, на что послѣдовалъ съ небесъ отвѣтъ: „Витъ, ты услышанъ“. Такимъ образомъ Св. Витъ считался цѣлителемъ пляски, которая и получила его имя.

Тарантула,—болѣзнь еще болѣе странная,—обнаружилась въ Италіи приблизительно въ то же время. По существовавшему тамъ суевѣрію, укушеніе тарантула причиняло смерть, или по меньшей мѣрѣ душевную болѣзнь и крайнее ослабленіе. Поэтому укушенный, или вообразившій себя укушеннымъ, падалъ на землю безъ силъ и безъ движенія и оставался въ такомъ положеніи, изъ котораго его нельзя было вывести никакими силами. Но нѣкоторыя, на первый взглядъ случайныя, вліянія немедленно выводили его изъ этого состоянія. Таково было вліяніе цвѣтовъ и музыки. Впрочемъ, вліяніе цвѣтовъ было невелико и мало имѣло значенія въ смыслѣ излѣченія. Иначе вліяла музыка, особенно такъ-называемая, соотвѣтственно ея значенію, тарантелла. Дѣйствіе ея было магическое. Больной вскакивалъ и начиналъ двигаться все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ его движенія переходили въ дикую пляску. Прекращалась музыка,—больной падалъ опять безъ движенія; возобновлялась музыка,—возобновлялась и пляска, пока больной не падалъ отъ истощенія. Существовало мнѣніе, что ядъ выходилъ изъ крови во время пляски, и что пока въ крови оставалась хоть капля яда, болѣзнь должна была повторяться, чѣмъ обусловливалось періодическое появленіе припадковъ тарантулы у однихъ и тѣхъ же больныхъ. Музыканты ходили по деревнямъ, особенно весною и собирали вокругъ себя больныхъ и любопытныхъ. Заботились о томъ, чтобы музыка не прекращалась, чтобы больные могли плясать до изнеможенія.

При оцѣнкѣ этихъ эпидемій пляски не слѣдуетъ забывать, что ихъ возникновенію и распространенію благоприятство-

вало множество причинъ, которыя дѣйствовали въ средніе вѣка ослабляющимъ образомъ на сопротивляемость нервной системы. Ужасы предшествовавшей чумы, политическія и экономическія неурядицы, смута въ умахъ, суевѣрія, доходящая до крайнихъ предѣловъ вѣра въ сверхъестественное и въ дьявола, великое невѣжество и жестокость нравовъ,—словомъ, все то, что дѣлаетъ изъ среднихъ вѣковъ мрачную эпоху исторіи человѣчества,—все это повело къ чрезмѣрной экзальтаціи умовъ и крайней подвижности нервной системы, что и нашло себѣ выраженіе въ разнаго рода психопатическихъ эпидеміяхъ, въ крестовыхъ походахъ дѣтей, въ упомянутыхъ эпидеміяхъ плясокъ, въ эпидеміи бѣсоистребленія, результатомъ которой явились такъ-называемыя эпидеміи бѣсоодержимости, въ припадкахъ конвульсіонеровъ и пр. Я крайне сожалью, что недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ хотя коротко остановиться на среднихъ вѣкахъ, такъ какъ никакая другая эпоха не изображаетъ съ большею ясностью, на примѣрахъ поразительныхъ и потрясающихъ, весь ужасъ общаго невѣжества и не возбуждаетъ съ большею силою любовь къ наукѣ и знанію, не научаетъ цѣнить блага цивилизаціи.

Такимъ образомъ все благопріятствовало тому, чтобы присущая человѣку способность заразиться проявилась тогда во всей своей силѣ. Между тѣмъ, уже съ перваго взгляда на описаніе пляски очевидно, что зараженіе не было роковымъ и что лишь ничтожное меньшинство подчинялось его вліянію. Громадныя толпы окружали пляшущихъ и оставались совершенно спокойными. Въ то же время среди пляшущихъ появлялись мужчины и женщины, пришедшіе изъ окрестныхъ селеній, привлекаемые только рассказами, которые оказывались для нихъ толчкомъ болѣе могучимъ, чѣмъ непосредственное зараженіе. И никогда не слѣдуетъ забывать, что, за единичными исключеніями, эпидемія свирѣпствовала только среди простаго народа.

Пляска св. Вита и тарантула, просуществовавъ съ перерывами около трехъ столѣтій, исчезли. Но другое зло, до-

стигавшее въ средніе вѣка необыкновеннаго развитія, но существующее и въ настоящее время, — эпидеміи религіознаго бреда въ формѣ теоманіи и демономаніи (демонолятріи и демонопатіи), къ сожалѣнію, и теперь напоминаютъ намъ, что невѣжество и суевѣріе имѣютъ еще глубокіе корни въ нашемъ обществѣ. Въ виду того, что главнымъ образомъ, почти исключительно, бредомъ бѣсоодержимости заболѣваютъ истеричные, мы можемъ прямо говорить при этомъ объ истеріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что припадки истеріи заразительны въ очень сильной степени, и заразительность проявляется съ большою быстротой, почти съ быстротою звука. Истеричная заразительность есть заразительность наиболѣе сильная, но въ то же время и наиболѣе ограниченная, такъ какъ зараза распространяется лишь на субъектовъ истеричныхъ, затѣмъ только въ смыслѣ возбужденія припадка. Это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ, почему при эпидеміяхъ бѣсоодержимости, такъ называемыхъ, эпидеміяхъ истеродемонопатіи, поражается въ сущности небольшое число лицъ, хотя подъ впечатлѣніемъ эпидеміи находится все окрестное населеніе. Такъ, напримѣръ, во время подобной эпидеміи въ Морзинѣ, во Франціи, въ 1857—1863 году, несмотря на чрезвычайно благопріятныя условія для ея развитія, на 2.000 человекъ населенія заболѣло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только 120, изъ которыхъ многіе страдали истерическими припадками и раньше (Constans). Столь же малое распространеніе видимъ мы и въ своеобразной психопатической эпидеміи 1892 года, бывшей въ Кіевской губерніи и носящей названіе малеванщины (Сикорскій).

Милліоны сожженныхъ вѣдьмъ и колдуновъ даютъ совершенно превратное понятіе о степени распространенія эпидеміи бѣсоодержимости, такъ какъ существуютъ положительныя доказательства, что сожгались нерѣдко люди совершенно здоровые и ни въ чемъ неповинные, равно какъ и страдавшіе душевными болѣзнями, не имѣющими ничего общаго съ бѣсоодержимостью и вѣрой въ дьявола, такъ что, по всей справедливости, наиболѣе господствовавшая

въ средніе вѣка эпидемія заслуживаетъ наименованія *эпидеміи бѣсоизнанія*.

Между душевными болѣзнями существуетъ еще одна форма, гдѣ заразительность играетъ нѣкоторую роль. Это такъ-называемое индуцированное помѣшательство, когда бредъ одного раздѣляется однимъ, двумя, тремя другими лицами. Такія формы развиваются въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Это болѣзнь довольно рѣдкая и имѣющая малую склонность къ распространенію. Почти всегда здѣсь требуется выработка бреда, и прямая заразительность играетъ малую роль.

Менѣе ясны другіе виды зараженія.

Такъ, нѣкоторые факты заставляютъ предполагать возможность множественныхъ галлюцинацій: именно, нѣсколько человекъ въ одно и то же время могутъ испытывать одну и ту же галлюцинацію, какъ, напримѣръ, въ одной итальянской деревнѣ во время крестнаго хода всѣ участвующіе увидели передъ собою въ воздухѣ Божию Матерь. Это продолжалось долгое время. Многіе остались на томъ мѣстѣ созерцать это чудное видѣніе, молва о которомъ тотчасъ же стала привлекать вѣрующихъ, и каждый приходившій видѣлъ въ свою очередь носящуюся въ воздухѣ Мадонну, пока власти не запретили сборища. Тогда видѣніе исчезло. Подобныхъ примѣровъ можно найти достаточно, но правильная оцѣнка ихъ пока невысказана, въ виду возможности внушенія просто съ помощью словъ отъ одного лица другому, и слѣдовательно здѣсь объ одновременномъ появленіи одного и того же душевнаго состоянія у нѣсколькихъ лицъ не можетъ быть рѣчи.

Столь же нерѣшеннымъ является вопросъ и о мысленномъ внушеніи, о которомъ невозможно не упомянуть, говоря о психической заразительности. Подъ именемъ мысленнаго внушенія разумѣется передача мысли отъ одного человека другому безъ посредства словъ или другихъ видимыхъ знаковъ, передача, происходящая иногда на значительномъ разстояніи, такъ что дѣлается невозможнымъ посредниче-

ство другихъ лицъ. Описанныя наблюденія требуютъ провѣрки, такъ что въ настоящее время вопросъ о существованіи такого рода передачи еще остается совершенно открытымъ.

Необходимо тотчасъ же замѣтить, однако, что неясность и недостаточность нашихъ свѣдѣній въ указанныхъ отношеніяхъ нисколько не отражается на заключеніяхъ, касающихся психическихъ эпидемій, въ виду того, что какъ явленія, подобныя множественнымъ галлюцинаціямъ, такъ и явленія мысленнаго внушенія проявляются въ степени, доступной опредѣленію, лишь въ случаяхъ исключительныхъ, и еслибы фактъ ихъ существованія не подлежалъ даже сомнѣнію, они, тѣмъ не менѣе, совершенно терялись бы среди множества другихъ болѣе крупныхъ и болѣе очевидныхъ факторовъ, производящихъ психическія эпидеміи.

Гораздо большую роль въ періодъ подготовки психическихъ эпидемій играютъ внушенія въ ихъ обыкновенномъ видѣ, выражающіяся въ передачѣ отъ одного лица другому, путемъ простыхъ рассказовъ и увѣреній, разнаго рода сообщеній, вселяющихъ вѣру иной разъ въ факты не только не существующіе, но и невозможные, какъ напимѣръ, при рассказахъ о домахъ, обитаемыхъ нечистою силой, о подсыпаніи ядовъ въ колодцы при господствѣ эпидемической болѣзни и проч. Въ такого рода случаяхъ воспріимчивость къ внушеніямъ,—повторяю, иногда совершенно нелѣпымъ,—носитъ названіе легковѣрія и обусловливается исключительно недостаткомъ какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній, предшествовавшихъ возникновенію данной небылицы.

Внушенія же, немедленно приводимыя въ дѣйствіе большимъ количествомъ людей, наблюдаются только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объединенная рядомъ причинъ и побужденій масса является уже организованнымъ цѣлымъ, имѣющимъ центръ, отъ котораго исходятъ внушенія. И чѣмъ точнѣе выполняются внушенія, чѣмъ болѣе эти внушенія носятъ характеръ внушеній прямыхъ—въ смыслѣ приказанія, тѣмъ

совершеннѣе организація, знаменующая собой наступленіе того момента, когда народное волненіе становится народнымъ движеніемъ и когда вступаютъ въ дѣйствіе новые элементы, разсмотрѣніе которыхъ не можетъ занимать насъ въ настоящую минуту.

Такимъ образомъ, милостивыя государыни и милостивые государи, анализируя всѣ возможные причины психическихъ эпидемій, мы должны придти къ заключенію, что не существуетъ ни одной достаточно могучей, чтобы она могла сама по себѣ породить внезапное умственное движеніе, распространяющееся на большое число людей, и если мы видимъ далеко не рѣдкое возникновеніе такихъ движеній, то они обусловливаются постоянно дѣйствующими причинами, изученіе которыхъ должно происходить въ то время, когда никакой эпидеміи еще не существуетъ, такъ какъ настроеніе умовъ въ спокойное время есть единственная направляющая сила тогда, когда одна какая-нибудь идея станетъ господствующей и будетъ искать своего выраженія въ дѣйствіи. Такое нарастающее напряженіе идей представляетъ собою основной законъ жизни; это фактъ, который всегда будетъ повторяться, и пытаться остановить выраженіе идей въ дѣйствіяхъ значитъ—пытаться остановить жизнь. Главнѣйшій вопросъ заключается въ томъ, каковы будутъ эти идеи и соотвѣтствующія имъ дѣйствія. Это всецѣло опредѣляется психическимъ содержаніемъ людей, слѣдовательно, характеромъ и количествомъ идей, господствующихъ въ данное время въ обществѣ. При этомъ, чѣмъ большее количество идей находится въ обращеніи, чѣмъ больше отношенія имѣютъ онѣ къ преобладающимъ интересамъ даннаго народа, тѣмъ болѣе всякаго рода соображеній, задерживающихъ проявленіе той или другой отдѣльной идеи въ дѣйствіи, будетъ находиться на-лицо, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, препятствій встрѣтится для безотчетнаго подражанія и для распространенія заразительности. Изъ этого слѣдуетъ неизбежный выводъ, что основная причина нелѣпости и дикости всякаго рода массовыхъ движеній за-

ключается единственно въ невѣжествѣ массъ, и предупредить возникновеніе такого рода явленій возможно только заблаговременнымъ распространеніемъ возможно бѣльшаго количества знаній и здравыхъ понятій среди народа. Тогда та же самая толпа, подчиняясь тѣмъ же законамъ, которымъ она подчиняется и въ настоящее время, обнаружитъ совершенно другія свойства. Нѣтъ надобности далеко ходить за примѣромъ: несмѣтныя толпы русскихъ, встрѣчавшія въ 1891 году французовъ, и несмѣтныя толпы французовъ, встрѣчавшія двѣ недѣли тому назадъ русскихъ, проявили всѣ свойства великихъ народовъ, такъ какъ дѣло и шло только о выраженіи высшихъ чувствъ человѣка, чувствъ симпатіи и гостепріимства. И тѣ же самыя толпы во время такъ называемыхъ, холерныхъ беспорядковъ во Франціи и въ Россіи совершали безсмысленныя злодѣянія. Причина этого контраста, конечно, не въ свойствахъ толпы и не въ свойствахъ момента, а въ томъ броженіи умовъ и въ тѣхъ идеяхъ, которыя легли въ основаніе самаго возникновенія сборищъ.

Повторяю, выраженіе идеи въ дѣйстви и общественныя движенія суть основной законъ жизни. Ихъ надо не подавлять, а направлять. Поэтому, если суждено міру въ ближайшемъ будущемъ пережить обширную психическую эпидемію, пусть это будетъ эпидемія стремленія къ свѣту и знанію,—движеніе, вытекающее изъ любви къ человѣчеству, къ труду и къ мирному процвѣтанію и благоденствію народовъ,—и тогда тѣ же явленія подражанія, заразительности и внушаемости будутъ служить не причинами смуть, но элементами спокойнаго, прогрессивнаго развитія массъ.

А. Токарскій.